

ствительности они даютъ лишь туманный полусвѣтъ, скорѣе возбуждающій, чѣмъ удовлетворяющій любопытство.

Полная откровенность считается вообще невозможною въ политикѣ, и во многихъ случаяхъ она дѣйствительно была бы неумѣстна; но публичное объясненіе политическихъ цѣлей и способовъ дѣйствія можетъ дать сильнѣйшую опору дипломату—и это доказывается наглядно блестящими успѣхами князя Бисмарка, который не разъ удивлялъ Европу необычайнымъ прямотишемъ своихъ рѣчей и заявленій. Рѣчи германскаго канцлера всегда представляли исключительную цѣнность для европейской печати,—не только потому, что авторъ ихъ есть одинъ изъ великихъ творцовъ современной исторіи, и не потому также, что рѣчи его талантливы и остроумны, а главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ всегда можно было найти разоблаченія прошлыхъ или настоящихъ событій, откровенное признаніе руководящихъ принциповъ прусской политики и подлинный фактическій матеріалъ, далеко выходящій за предѣлы обычныхъ дипломатическихъ свѣдѣній. Рѣчи князя Бисмарка, если онѣ касаются иностранныхъ дѣлъ, всегда освѣщаютъ болѣе или менѣе ярко эту темную для публики область; онѣ даютъ много новаго и вѣскаго даже для иностранныхъ державъ, раскрывая существенный смыслъ отношеній къ нимъ Германіи и опредѣляя въ точности ту роль, которую она должна играть въ текущихъ международныхъ вопросахъ. Откровенность канцлера нерѣдко доходитъ до рѣзкости: онъ не стѣсняется въ нѣмецкомъ парламентѣ обсуждать и осуждать дѣйствія чужихъ министровъ и кабинетовъ, хотя бы это невыгодно отражалось на чувствахъ заинтересованной націи. Всѣмъ памятно еще, какъ извѣстельно „отдѣлалъ“ онъ лорда Гренвилля за то, что послѣдній сослался на совѣтъ германскаго канцлера не покидать Египта; князь Бисмаркъ прямо обвинилъ англійскаго министра въ неправдѣ, и при этомъ представилъ въ смѣшномъ видѣ обращеніе Гренвилля въ Берлинъ за совѣтомъ, какъ поступить Англіи съ Египтомъ. Такъ и теперь князь Бисмаркъ говорилъ о внутреннихъ дѣлахъ Франціи въ такомъ же свободномъ тонѣ, въ какомъ говорится объ этомъ въ газетахъ и въ частныхъ кружкахъ; онъ упомянулъ даже о дѣятельности генерала Буланжѣ и объ его возможныхъ планахъ, хотя едва ли имѣлъ къ тому официальный поводъ или фактическое основаніе. Приписывать иностранному министру то, чего онъ никогда не высказывалъ и что даже опровергалось имъ публично,—позволительно еще въ печати, которая во многомъ руководствуется предположеніями и слухами, имѣющими часто характеръ сплетенъ; но повтореніе подобныхъ отзывать звучитъ какъ-то оригинально въ устахъ государственнаго человѣка, разъясняющаго политику великой имперіи предъ лицомъ